

Лин Си безмятежно и быстро окинул взглядом окруживших его людей. Одежда у них была грязная, рваная, с них несло потом и пылью, а в руках хоть и были ножи, но самые обычные, кухонные, какие можно найти в любой хижине.

Сброд. Самый что ни на есть дешёвый.

Он тут же перестал настораживаться. Не потому, что был безрассуден, а потому что слишком хорошо знал, с кем имеет дело. Ни грации, ни подготовки, эти даже на разбойников не тянули. Просто шавки, которым захотелось поиграть в охотников.

Жертва и охотник... боюсь, вы сильно перепутали роли.

— Какой красавчик у нас тут один-одинёшенек... — прогнусавил один из них, с похотливой ухмылкой приближаясь. — А ну-ка, давай я тебе составлю компанию... позабавимся...

В следующую секунду раздался глухой удар, и лицо мужчины резко ушло вбок.

Лин Си ударил. Одна точная, мощная пощёчина кулаком, и тот рухнул наземь, как мешок с тряпьем, едва успев хрипнуть. Его тело дёрнулось пару раз и затихло - вырубился окончательно.

— Позабавился? — холодно спросил Лин Си, глядя на него сверху вниз.

Оставшиеся человек пять или шесть замерли, словно их кто-то окатил ледяной водой. Все как один уставились на лежащего товарища с круглыми глазами, не в силах отвести взгляд. Шеи скрипели, будто ржавые петли, когда они начали медленно оборачиваться к Лин Си, но никто из них не знал, что делать дальше.

Это точно была реальность?

На землю опускались последние полосы огненного заката. Алый свет заполнял улицу, как разлитая кровь. А затем под хриплые стоны боли и паническое молчание, наступила тьма.

Разобравшись с шайкой, Лин Си даже не запыхался. Стоя с невозмутимым видом, он водрузил ногу на грудь главаря:

— Кто вас подослал?

— Н-никто... — заскулил тот, лицо у него было избито до такой степени, что родная мать не узнала бы. Губы лопнули, глаз заплыл, нос разбит.

Лин Си немного надавил, и из груди бедняги послышался треск - чуть не сломал рёбра.

— П-пощади! — в панике взвыл тот. — Мы... правда... сами... С-случайно увидели, как ты получил те двадцать лян... Глаза загорелись... не сдержались...

Ага. Всё как всегда: увидели деньги и разум отключился.

Небо окончательно потемнело, городские ворота уже были закрыты, отвести разбойников в ямен не представлялось возможным. Лин Си задумался на миг, а потом глаза его хищно блеснули. Он указал на побитую кучку:

— Быстро. Снимайте с себя одежду. Помогите друг другу.

— Чего?! — ошарашенно переспросили головорезы. За свои дни они натворили немало, но такой... экзотики им ещё не доводилось встречать.

— Вы что, глухие? — Лин Си сузил глаза, голос стал ледяным. — Делайте, как сказано.

В голосе не было ни угрозы, ни ярости, лишь хладнокровная твёрдость, от которой мороз полз по коже.

— Хорошо-хорошо! Только не злись! — затрещали языками побитые хулиганы. Скривившись от боли и сдерживая тошноту, они принялись скидывать друг с друга одежду, как велено.

Лин Си дождался, пока все останутся в одних коротких исподниках, затем ловко связал их ремнями, подвесив к ближайшему дереву, словно мешки с падалью.

— Если я ещё раз услышу, что вы творите мерзости... — голос его был холоден, как сталь. — В следующий раз на дереве будет висеть не тело, а голова.

Разбойники заскулили и сдавленно запричитали, чуть штаны не обмочили, кивками наперебой уверяя, что никогда, ни за что, клянёмся, честное слово...

Он уходил, не оборачиваясь, шаг за шагом растворяясь в темноте. А вокруг ни души. Никто не услышит, не поможет, не пожалеет. Завтра утром, как только откроются городские ворота, их в этом унижительном виде увидит каждый, кто пойдёт мимо. Позор невыносимый.

За что им это всё?

Да за то, что выбрали не ту жертву.

Когда Лин Си дошёл до подножия горы, в поле зрения вдруг мелькнула фигура. Благодаря своей превосходной способности ночного видения, он тут же разглядел, кто это. Хо Цзюй.

— Ты чего здесь? — Лин Си ускорился и подбежал вприпрыжку.

Хо Цзюй осмотрел его с ног до головы, убедившись, что тот цел и невредим, и лишь тогда его хмурый взгляд стал немного мягче:

— Ждал тебя.

Всего два простых, будничных слова, но сердце Лин Си будто всколыхнулось, словно в его душу влили тёплую родниковую воду, прозрачную и обволакивающую.

— Что со мной может случиться? — отмахнулся он, но тут же нахмурился. — Вот ты... у тебя с ногой не всё в порядке, зрение тоже не как у меня, вдруг бы...

Он не успел договорить, как почувствовал на себе взгляд, острый, как ледяной клинок. Молча прикрыв рот, Лин Си понял, что ляпнул лишнее.

— Ты меня упрекаешь? — сухо бросил Хо Цзюй. Вопрос прозвучал как утверждение.

До Лин Си наконец дошло: опять задел! Опять не то сказал!

На этот раз он хотя бы понял, за что, и быстро заговорил, стараясь успокоить:

— Да ты что! Когда я тебя упрекал? Я наоборот! Я всем доволен, правда!

Он распахнул свои чистые, ясные глаза и с самым невинным видом моргнул в сторону Хо Цзюя.

Хо Цзюй и бровью не повёл и с каменным лицом произнёс:

— А ты говорил, что у меня выносливости нет.

— А-а... ну это... — Лин Си на секунду замялся, но против собственной совести не пошёл. — Ну, выносливость - это ж дело наживное. Потренируешься, и всё будет.

Но, чтобы Хо Цзюй не успел снова прижать его к стенке, Лин Си решил ударить первым, снося

его речевым потоком, сокрушительной артиллерией слов:

— А вообще, если с техникой что, можно же книги почитать! Или на практике отработать! Постепенно навык появится, главное стараться, стараться и ещё раз стараться!

— Ах да! Я ж забыл тебе книжечку прикупить, чтобы ты сам понаблюдал, поучился. Ладно, в следующий раз обязательно возьму!

Он тараторил без остановки, буквально вбивая тему себе в голову, чтобы не забыть. А тем временем даже не подозревал, что его попытка успокоить и поддержать Хо Цзюя действовала строго наоборот.

Хо Цзюй стиснул кулаки, пальцы побелели, вены на висках вздулись, как канаты. А уши стали ярко-красными, будто угли в жаровне.

— Заткнись, — процедил он сквозь зубы.

Больше он этого слушать просто не мог и, резко опираясь на костыль, зашагал прочь. Лин Си, мигом осознав, что перегнул палку, захлопнул рот обеими руками и пустился вдогонку:

— У-у-у-у! — доносилось приглушённое «подожди, не так быстро!».

К счастью, Хо Цзюй, как водится, ругался в основном языком, а в деле всегда проявлял терпение. Он не только не оставил Лин Си без внимания, но и, несмотря на задержку, заранее подогрел ему ужин.

После ужина Лин Си с довольным вздохом откинулся назад, лениво потянувшись.

— Кстати, твои луки продались за двадцать лян, — проговорил он, протягивая Хо Цзюю серебро.

Тот даже не взглянул на деньги:

— Оставь себе.

Лин Си с удивлением посмотрел на него:

— Почему? Это ведь ты их заработал.

Заработать деньги, чтобы вылечить Хо Цзюя, было для него делом чести, обещанием, данным в ответ за то, что когда-то он увёз его без спроса. Его собственные деньги он мог тратить на Хо

Цзюя без раздумий, но заработанное тем - это уже другое.

Хо Цзюй опустил взгляд, продолжая чинить обувь. Он ничего не ответил.

Огонь в печи потрескивал, вспыхивая, как вспышки света на воде. Маленькое насекомое, привлечённое светом, метнулось в пламя и исчезло без следа. На стене тени от лица Хо Цзюя расплывались, как мазки туши, то резкие, то мягкие. Он выглядел сосредоточенным, будто в каждом стежке, в каждом проколе шилом было нечто большее, чем просто работа.

В тишине этого дома царило неуловимое тепло. Лин Си смотрел на мужчину, на его серьёзные, сдержанные движения, и вдруг ощутил, будто само время замедлило свой бег. Он не стал больше ничего спрашивать. Просто позволил себе раствориться в этой спокойной, почти хрупкой ночи.

Под пристальным надзором Лин Си и Хо Цзюя их трехкомнатный дом быстро обрел очертания. Строили, как и большинство домов в деревне, из глины и дерева. Конечно, кирпично-черепичные дома смотрелись куда солиднее, но стоили они немало, и при их нынешнем достатке о такой роскоши можно было только мечтать. Глинобитное жильё, пусть и грубоватое на вид, зато надёжное - даже после разливов некоторые такие дома стояли, словно и не замечали бедствия.

Лин Си стоял у окна, в которое ещё не натянули промасленную бумагу, и с тоской вспоминал стекло. В целях защиты от ветра, а отчасти и по суеверным соображениям, окна в здешних домах делали крошечными, так что света в комнатах едва хватало. Но что ни говори, а золотое гнездо или серебряное гнездо не так хороши, как своя собачья конура*. И потому, несмотря ни на что, Лин Си был по-настоящему рад.

(ПП: часть пословицы «Золотое гнездо или серебряное гнездо не так хороши, как собачья будка; крестный отец или отчим не так хороши, как родной отец»)

— Дом надо пару дней просушить, — громогласно объявила Лю Шуфэнь. — Я уже людей просила: посчитали по календарю: через пять дней отличный день, как раз для новоселья!

— А мы к тому времени придём вам помогать на кухне! — с пылом пообещала Чжао Даньгуй, хлопнув себя по груди.

Лин Си и Хо Цзюй благодарили всех по очереди, не забыв пригласить односельчан на новоселье, а заодно и на свадебный пир, который они устраивали в тот же день. Хотя о свадьбе они вслух не говорили, все и так всё понимали и переглядывались с лукавыми улыбками, полными добродушно подтекста.

В разгар всеобщего веселья раздался громкий оклик:

— Хо-далан! Беги домой, у тебя там твоя мать с тёткой сцепились!

— Ай-ай-ай, не к добру это! Хо Яо вернулась, что ли?

— Скорей иди посмотри! Я ж говорил: если Хо Яо узнает, как Чжао Сюцзюань изводила Хо-далана, молчать не станет, обязательно сцепится с ней!

— Не думал, что Хо Яо разозлится до такой степени и поднимет руку на собственную невестку... — пробормотал кто-то в толпе.

Хо Цзюй опустил брови, и вся его фигура словно окуталась ледяным ветром, от него повеяло мрачной, хищной угрозой.

— Твоя тётка? — Лин Си на миг задумался, но тут же вспомнил, что Хо Цзюй как-то упоминал: у него есть младшая тётка, что замужем в соседней деревне Даянь.

— После смерти матери, — лицо Хо Цзюя омрачилось, — тётка была единственным человеком, кто по-настоящему заботился обо мне. Но вскоре вышла замуж, стала жить своей жизнью...

Он вздохнул:

— Не ожидал, что она вдруг вернётся.

Лин Си тут же встрепенулся:

— Так она одна дерётся с твоей злой мачехой? А если проиграет?

Он мгновенно посуровел:

— Так не пойдёт. Нельзя, чтобы тетя проиграла этой ядовитой ведьме!

Не договорив, он уже подхватил Хо Цзюя на спину и рванул к дому Хо Юндэна.

Толпа зевак, что вышла посмотреть на шум, лишь почувствовала, как мимо пронёсся порыв ветра, а Лин Си с Хо Цзюем уже обогнали всех и оказались впереди.

— Что случилось? Кто это видел? — пронёсся тревожный шёпот в толпе.

— Вот это да! Фулан Хо-далана просто зверь! Он с ним на спине бежит быстрее, чем мы налегке!

— Святое Небо! И сила у него, и ноги что надо! С такими хоть от разбойников беги, точно не догонят!

Лин Си с Хо Цзюем влетели к дому Хо Юндэна, как ураган. Перед входом уже толпились любопытные, а изнутри доносились пронзительные женские крики.

— Молодец, Чжао Сюцзюань! Я всегда знала, что ты не из святых! Какая хорошая сестра после смерти родной сестры полезет на её мужа?! — голос звенел от гнева. — Не иначе как с самого начала метила на место сестры! Иначе как объяснить, что ребёнка покойной ты с самого начала за врага держала?!

— Хо Яо, следи за языком! — визгнула Чжао Сюцзюань. — Если бы я не хотела позаботиться о детях своей сестры, то зачем, скажи на милость, мне было, молодой девушке, выходить замуж за вдовца с тремя детьми?! А теперь ты меня выставляешь коварной женщиной, будто я корыстью руководствовалась! Не боишься, что небеса тебя за это покарают?!

— Бояться мне нечего! — холодно парировала Хо Яо. — Если у тебя совесть чиста, почему ты не позволила второму брату поставить табличку с именем моей сестры?! Если ты не виновата, отчего так обходишься с детьми, которых она оставила, в то время как твоим двоим и золото, и шелка?! Если ты без злого умысла, то почему же притворяешься на людях добродетельной женой и заботливой мачехой?!

С каждым вопросом Чжао Сюцзюань все сильнее бледнела, теряясь в слезах, не находя слов. Вконец смутившись, она залилась плачем и поспешила жаловаться Хо Юндэну:

— Скажи что-нибудь, она меня позорит, перед всем селом срамит, ни уважения, ни почтения к старшим!

— Да перестань ты, Хо Яо, — нахмурился Хо Юндэн, недовольно отталкивая сестру. — Старье всё это, дела давно минувших дней. Зачем ты ворошишь?

Но Хо Яо и брата щадить не собиралась:

— Давно минувших?! Пф! Ты ещё говори, будто я всё это себе придумала! Стыдно должно быть! Какой же ты отец? Ах да, где мачеха, там и отчим. Я вот только теперь понимаю, как глупо верила тебе, когда ты твердил, что к далану надо быть строже, мол, пусть почувствует, что значит быть старшим...

Вчера Чжао Даньгуй ездила в деревню Даянь навестить своего сына-гера. Болтая со сватьей, она между делом упомянула историю Люй Чжи из своей деревни. Вряд ли это можно было

назвать пустой болтовнёй, скорее уж предостережением. Та, в свою очередь, заверила: они не семья Цао, злобы в них нет, и относятся к Сяо Ли как к родному. А если её сын хоть в чём-то поступит с ним несправедливо, она сама ему покажет, где раки зимуют.

Услышав столь решительный ответ и увидев, что сын после свадьбы даже слегка округлился, а двухлетний внук бегаёт по двору, делая первые шаги, Чжао Даньгуй немного успокоилась.

Пообедав, она вернулась в родную деревню Линьшуй, совершенно не подозревая, какой переполох вызвали её слова среди жителей Даянь. Хо Яо, одна из самых уважаемых тетушек в деревне, как раз пошла послушать сплетни, и по несчастливому совпадению нарвалась на женщину, с которой у неё была давняя неприязнь.

Та, скрестив руки на груди, язвительно бросила:

— Ого, сама пришла чужие сплетни послушать? А своей семейной позорной истории ты, случаем, не хочешь разобраться сначала?

Хо Яо резко изменилась в лице:

— Какой ещё позор? Не болтай ерунды!

Соперница, уперев руки в бока, с нескрываемым торжеством произнесла:

— Ты, похоже, и не знаешь, да? Твоя вторая невестка, у которой якобы золотая репутация, наконец показала своё истинное лицо. Старший сын, который на волоске от смерти вернулся с войны, у неё в доме ночует в кладовке! Герой, защищавший родину, вернулся домой и попал в лапы изверга. Она его не только морально изводит, но и украла его военные выплаты! К тому же везде его имя марает. Ох и змея же!

Хо Яо будто громом поражённая застыла на месте. Её лицо побледнело, дыхание перехватило, и она судорожно прижала руку к груди. Болтливая тётка, увидев такую реакцию, испугалась не на шутку и попятилась. Ведь все знали - муж Хо Яо души в ней не чаял. Если до него дойдёт, что жену кто-то довёл до такого, никакого прощения ждать не стоит.

В ту же ночь Хо Яо, очнувшись, в гневе заявила, что немедленно отправится в деревню Линьшуй и сдерёт с Чжао Сюцзюань кожу. Муж с трудом её успокоил, пообещав сопроводить её утром: мол, надо отдохнуть, чтобы к утру быть в боевой форме. Но Хо Яо не могла успокоиться. Сердце ныло от боли, и всю ночь она проплакала, лишь под утро устало задремав.

И действительно, как и обещала, Хо Яо, едва переступив порог дома Хо Юндэна, с порога залепила Чжао Сюцзюань звонкую пощёчину. С тех пор как она вышла замуж, вместе с мужем занималась плотницким ремеслом, так что руки у неё были сильные, в мозолях, и удар получился что надо: тщательно ухоженное лицо Чжао Сюцзюань мгновенно покрылось

припухлостью.

Лин Си тихонько наклонился к Хо Цзюю и прошептал:

— Тётка твоя с характером... боевым.

Хо Цзюй, склонившись к нему лбом, с невозмутимым лицом подтвердил:

— Наша тётка.

Лин Си не до конца понял, в чём смысл этого уточнения, но спорить не стал и кивнул:

— Наша так наша.

Хо Юндэн побагровел от злости, то синел, то бледнел от ярости под потоком ругани родной сестры. Он занёс руку, намереваясь ударить её, но тут же его запястье перехватил муж Хо Яо, Чжоу Шунь. Его грубая, крепкая ладонь сдавила суставы так, что Хо Юндэн завопил от боли:

— Ай-ай-ай! Отпусти, отпусти!

Чжоу Шунь, опытный плотник, с руками, закалёнными годами труда, обладал недюжинной силой. Хо Юндэн не осмелился с ним тягаться, и сразу сдался - в панике выставил Чжао Сюцзюань вперёд, словно прикрываясь ею.

Та, не зная, как поступить, закатила глаза и... просто рухнула в обморок.

<http://bllate.org/book/13580/1204878>